

Р. С. Колокольчикова

Демографические процессы и гендерные особенности населения в индустриальных городах Европейского Севера России (вторая половина 1960-х – середина 1980-х гг.)

Работа выполнена в рамках реализации ФЦП
«Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. ГК П 360

В статье рассматривается влияние народнохозяйственной специфики индустриальных городов Европейского Севера России на половозрастную структуру их населения, специфика демографических процессов на территории индустриальных городов, степень занятости населения городов, специфика интеграции женщин в производство, гендерные особенности в соотношении времени на труд и отдых.

Ключевые слова: урбанизация, градостроительство, демография, гендер, возраст, брачность, рождаемость, миграция, образование, аборт, интеграция, труд, отдых.

R. S. Kolokolchikova

Demographic Processes and Gender Peculiarities of the Population in Industrial Cities of the European North in Russian (the second half of 1960-s – the middle of 1980-s)

The paper contains the information about the influence of the national economical specificity in the industrial cities of the European North in Russia on the age- sexual structure of their population. The paper helps to understand the specificity of the demographic processes in the industrial city territory, the occupancy rate of urban population, the specificity of the women's integrations into production, gender-particularity in correlation with time for labour and rest.

Keywords: urbanization, town-planning, demography, gender, age, marriage rate, birth rate, migration, education, abortions, integration, labour, rest.

Советская градостроительная практика, установившаяся в СССР с начала индустриализации и сохранившаяся до начала 1980-х гг., заключалась в том, чтобы «рассматривать урбанизацию как результат управления развитием, размещением собственно материального производства». Урбанизация, в отличие от индустриализации, не рассматривалась как специальный объект политики советского государства, она являлась функцией «социалистической индустриализации»: в развитии и размещении городских поселений видели подчиненный процесс, обслуживающий производство [1]. Наиболее убедительно советская градостроительная практика проявилась в районах с суровыми природно-климатическими условиями, в частности, на территории Европейского Севера России, где во второй половине 1960-х – середине 1980-х гг. происходили значительные изменения картины городского расселения, связанные с осуществлением крупных народно-хозяйственных программ регионального и общесоюзного значения. В результате одни городские поселения, история которых началась еще в годы первых пятилеток, получая с про-

мышленным строительством импульс градостроительным процессам, переживали «второе рождение», как, например, Мончегорск, Сегежа; другие, как, например, Череповец, история которого началась в связи с городской реформой Екатерины II, – со строительством в послевоенные годы Череповецкого металлургического завода (ЧМЗ) и особенно его второй очереди в изучаемый период – стали развиваться по модели индустриальных городов советского времени; третьи поселенческие структуры, вблизи которых возводились крупные народнохозяйственные объекты, выросли до статуса индустриального города, как, например, Новодвинск, Коряжма, Апатиты, а такой город, как Костомукша, в связи со строительством горно-обогатительного комбината был построен на «чистом месте».

Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г., а также ежегодные отчеты отделов статистики исполкомов горсоветов о движении населения индустриальных городов Европейского Севера России, ставшие основными источниками для написания данной статьи, показали прямую

связь темпов промышленного строительства в городах с ростом численности их населения.

Целью данной статьи является выявление влияния народно-хозяйственной специфики индустриальных городов Европейского Севера России на половозрастную структуру их населения, на формирование механизма воспроизводства их населения, соответствующего уровню экономического развития индустриальных городов, на другие демографические процессы, а также выявление связи демографических процессов на территории индустриальных городов региона с гендерными особенностями их населения.

Градообразующие предприятия индустриальных городов Европейского Севера – это в основном предприятия по производству продукции черной и цветной металлургии, химической, целлюлозно-бумажной, горнодобывающей промышленности, то есть таких отраслей экономики, которые нуждались в рабочих руках, прежде всего мужчин трудоспособного возраста. Таким образом, половозрастная структура состава работающих в градообразующей сфере, а также населения индустриальных городов, особенно городов-новостроек, отличалась преобладанием мужчин молодого возраста. Например, в городе-новостройке Костомукше в 1979 г. мужчины составляли 62,2 % постоянного населения, молодежь в возрасте 20–34 лет – 50,4 %, а средний возраст горожан равнялся 26,3 года [2]. По мере завершения формирования в Костомукше градообразующей основы преобладание мужчин в составе населения города становилось менее заметным. В «старых» индустриальных городах региона, несмотря на реализацию больших программ промышленного строительства в изучаемый период, в составе населения преобладали женщины, что объяснялось в основном отдаленными последствиями Великой Отечественной войны, а также большей средней продолжительностью жизни женщин. Однако средний возраст населения оставался молодежным – 27–30 лет. Так, в городе Череповце по переписи 1979 г. было учтено 130111 мужчин и 135822 женщины. Превышение численности женщин на 5701 человека было учтено в возрасте 50 лет и старше, при этом средний возраст горожан составлял 31 год [3]. В 1984 г. в Череповце 48,9 % горожан были мужчины, 51,1 % – женщины. Средний возраст мужчин составлял 28 лет, а женщин – 33 года. В возрастной категории до 29 лет большая доля населения приходилась на лиц мужского пола, в возрастной категории 30–49 лет мужчины и

женщины составляли равные половины, а с 50-летнего возраста преобладало женское население [4].

Преимущественно молодежный состав населения индустриальных городов Европейского Севера способствовал увеличению брачности населения. Так, в Мончегорске и пригородной зоне в 1979 г. по сравнению с 1970 г. численность населения увеличилась на 19 %, а число лиц, состоявших в браке, на 23,8 % [5]. По сравнению с мужчинами, среди женщин г. Мончегорска, по переписи 1979 г., был установлен меньший удельный вес состоящих в браке и больше вдовых и разведенных. Если на 100 мужчин в возрасте 16 лет и старше в браке состояло 74,2 %, то на 100 женщин 16 лет и старше – 64 %, соответственно, процент вдовых мужчин равнялся 1,1 %, женщин – 13,6 % [6]. Это тоже обуславливалось в основном превышением численности женщин над численностью мужчин в старших возрастах.

Преимущественно молодежный состав населения индустриальных городов, рост брачности населения создавали благоприятные условия для его естественного прироста. Однако половая диспропорция в составе населения, помимо других причин, усложняла решение такой социальной проблемы, как повышение рождаемости, препятствовала достаточным темпам естественного прироста населения, вследствие чего обострялась проблема трудовых ресурсов на территории индустриальных городов, увеличивались миграционные потоки в эти города.

Суровые климатические условия, относительно слабая заселенность территорий, недостаток трудовых ресурсов для выполнения больших программ промышленного развития и градостроительства обусловили формирование населения городов преимущественно в результате интенсивного миграционного оборота. Так, население города Апатиты за период с 1966 по 1977 г. увеличилось на 43 тыс. человек, из них 32 тыс. человек мигрировали в город, а естественный прирост составил всего 11 тыс. человек [7]. Во второй половине 1960-х гг. в Череповец ежегодно мигрировали более 13,5 тыс. человек, а с начала 1970-х гг. – более 17 тыс. ежегодно, достигнув пика в 1979 г., когда в город приехали на постоянное место жительства 19726 человек [8]. Интенсивность миграции населения в индустриальных городах Европейского Севера была в несколько раз выше, чем в среднем по РСФСР, а в случаях, когда город создавался на «чистом месте», она достигала более 90 % на начальном эта-

пе строительства, как это было, например, в Костомукше [9].

Специфика половозрастной структуры населения индустриальных городов Европейского Севера обусловила высокую степень его занятости в экономике городов. Например, в Мончегорске, по переписи 1979 г., в общественном производстве было занято 59 % всего населения, в Череповце – 62 %, а в городе-новостройке Костомукше – 75,3 % населения города (по Карелии в целом – 55 % населения) [10].

На территории индустриальных городов всячески приветствовалось участие женщин в производительном труде, в том числе на металлургических предприятиях, химических, целлюлозно-бумажных, в строительных организациях. Удельный вес женщин на градообразующих предприятиях, несмотря на их отраслевую специфику, был высок и постоянно увеличивался, составляя 40–50 % от числа работающих, в том числе на рабочих местах с вредными условиями труда. Например, на Череповецком азотно-туковом заводе в 1980 г. от числа работающих женщины составляли 48,5 %, из них 45 % занимали рабочие места с вредными условиями труда [11]. Нередко интеграция женщин на таких предприятиях происходила через овладение «мужскими» или близкими к «мужским» профессиями. Женщины были вынуждены «встраиваться» в мужской образ жизни и труда в условиях дефицита трудовых ресурсов на строительных площадках городов Европейского Севера, на вновь вводимых промышленных объектах. Следствием зачастую становились гендерные изменения в модели поведения женщины в повседневной жизни, что не всегда имело благоприятные социальные последствия.

Важнейшим фактором, обеспечивающим потребность общества в максимальной мобилизации женских трудовых ресурсов, стало повышение общеобразовательного уровня и подготовка квалифицированных кадров из женщин. Образовательный уровень населения городов Европейского Севера постепенно повышался. В 1979 г. из расчета на 1000 человек в возрасте 10 лет и старше показатели по высшему и среднему образованию (полному и неполному) в индустриальных городах региона были выше аналогичных показателей по СССР, РСФСР, среднеобластных в регионе и составляли, например, в Череповце и Мончегорске соответственно 766 и 732 человека (по СССР – 638 человек, РСФСР – 645 человек, по Вологодской области – 606 человек) [12]. При

этом образовательный уровень женщин индустриальных городов Европейского Севера был выше, чем мужчин. В 1970 г. в г. Мончегорске и пригородной зоне из 2053 специалистов с высшим образованием 1159 человек (56 %) – женщины, а из 4014 человек со среднеспециальным образованием женщины составляли 2476 человек (61,5 %) [13]. В значительной мере это объяснялось тем, что в отраслях специализации индустриальных городов, в промышленном строительстве велика была потребность в малоквалифицированном труде, связанном с большими физическими нагрузками, хорошо оплачиваемом, который был под силу мужчинам. Таким образом, мотивации для получения образования у мужчин было меньше, чем у женщин. В 1979 г. в Кировске от общего количества населения города с высшим и среднеспециальным образованием удельный вес женщин составлял 58 %. Среди экономистов, плановиков, товароведов женщины составляли 88 % от общего количества, врачей – 68 %, педагогов, работников культуры – 89 % [14].

Примерная трудовая деятельность женщин иногда открывала им дорогу в органы власти. Доля женщин в органах городского самоуправления индустриальных городов, определявшаяся по разрядке партийными инстанциями, постоянно увеличивалась. Если в 1971 г. в местных советах города Череповца женщины составляли около 1/4 депутатов, то в 1979 г. – 1/3. Учитывая, что в составе населения города Череповца женщины составляли чуть больше 50 %, о гендерном равенстве при избрании в органы местного самоуправления говорить не приходится. Все женщины-депутаты являлись либо передовыми работницами промышленных предприятий, строительных организаций, либо образцово трудившимися учителями, врачами, служащими [15].

На территории индустриальных городов региона, на градообразующих предприятиях, как и в целом в советском государстве, морально и материально поощрялось материнство. Это обеспечивало большой удельный вес женщин-матерей среди работающих. Например, на 1 февраля 1971 г. на Череповецком металлургическом заводе 92,5 % работающих женщин являлись матерями [16].

Относительно благоприятная структура населения индустриальных городов для естественно-го воспроизводства, политика государства и руководство градообразующих предприятий поощрению материнства привели к тому, что, не-

смотря на некоторое снижение рождаемости в изучаемый период на территории индустриальных городов по сравнению с первой половиной 1960-х гг., до конца 1970-х гг. и, особенно с начала 1980-х гг., рождаемость была выше среднеобластных и среднереспубликанских показателей. Например, в Череповце в 1982 г. коэффициент рождаемости составил 18,1, а в Вологодской области – 17,1, в РСФСР – 15,8 [17]. Низкий уровень смертности в городах с преимущественно молодежным населением и относительно высокий уровень рождаемости делали показатель естественного прироста населения городов весьма значительным, выше среднеобластных и среднереспубликанских показателей. Осуществление в начале 1980-х гг. мер по поддержке материнства благоприятно повлияло на демографические показатели в индустриальных городах, где обозначилась тенденция к увеличению рождаемости [18]. Если в 1981 г. в Череповце коэффициент рождаемости составлял 16,9, то в 1982 – 18,1, в 1983 – 18,6, в 1984 – 17,5 [19]. А в Костомукше коэффициент рождаемости вырос с 16,5 в 1980 г. до 31,1 в 1986 г. (в Карелии, соответственно, с 16,6 до 18,0), превысив среднереспубликанские показатели почти в 2 раза [20].

Повышение показателей рождаемости в индустриальных городах обостряло проблему нехватки мест в детских дошкольных учреждениях. Одним из последствий этого стала невозможность участия в общественном производстве части женщин-матерей трудоспособного возраста. Так, по итогам Всесоюзной переписи населения 1979 г. на территории города Мончегорска было учтено 624 женщины трудоспособного возраста, не занятых в общественном производстве, имеющих детей моложе 16 лет. 387 женщин были готовы принять участие в общественном производстве при условии устройства их детей в детские учреждения [21].

Между тем, несмотря на поддержку материнства, главной ценностью в советском государстве считался общественно полезный труд как мужчин, так и женщин. Трудовой образ жизни пропагандировался как норма человеческого бытия, как первейшая гражданская обязанность. Вследствие вовлечения женщин в профессиональную деятельность продолжалась их дальнейшая эмансипация. Беременность, рождение ребенка пусть на время, но отвлекали женщину от выполнения трудовой функции, нередко рассматривались женщиной как препятствие на пути карьерного роста. Количество детей в семьях на территории

индустриальных городов Европейского Севера сокращалось. В 1970-е гг., в отличие от предшествующего десятилетия, например, в городе Мончегорске преобладала «простая семья» из трех человек [22]. Изменение размера семьи в индустриальных городах региона соответствовало стандартам детородного поведения в областных центрах, столичных городах.

Беременности женщин, живущих в индустриальных городах региона, чаще завершались абортными, чем родами. Например, в Коржаме в 1970-е гг. ежегодно рождалось 870–900 детей, а аборт производилось 2300–2500 [23]. В отчете отдела здравоохранения Мончегорского Совета народных депутатов за 1965 г. отмечалось: «...снизилось количество родов, нет тенденции к снижению абортов. Большой удельный вес внебольничных абортов» [24]. Помимо общей тенденции к снижению рождаемости, это объяснялось слабыми знаниями по предотвращению нежелательной беременности, планированию семьи, дефицитом эффективных противозачаточных средств, отставанием, несмотря на высокие темпы развития, от потребностей системы детских дошкольных учреждений, жилищного строительства, когда ожидание получения отдельной благоустроенной квартиры длилось в среднем 8–10 лет и на многие годы затягивалась жизнь в общежитиях, препятствуя созданию семьи, рождению детей и т. п.

В соотношении времени на труд и отдых в индустриальных городах Европейского Севера прослеживалась четкая гендерная особенность. Здесь, где большая доля населения была представлена горожанами в первом поколении, совсем недавно уехавшими на новостройки Севера, продолжало сохраняться в сознании новоявленных горожан традиционное для сельского образа жизни деление обязанностей по дому и домашнему хозяйству на «мужские» и «женские». В городском жилье с централизованным отоплением и подачей воды, оснащенном газовыми или электроплитами, в отсутствии типичного для деревенского дома «хозяйства», места для «мужских» обязанностей оставалось немного. Поэтому мужчина, вернувшись домой после рабочего дня на предприятии, в основном отдыхал. Не имея навыков культурного проведения досуга, в условиях характерного для индустриальных городов дефицита досуговых учреждений, мужчины нередко в поисках истинно «мужского» отдыха начинали проводить свободное от работы время, употребляя спиртные напитки. Это обстоя-

тельство являлось одной из причин повышенного интереса населения индустриальных городов, прежде всего мужчин, к употреблению спиртных напитков. А женщины, напротив, вернувшись после рабочего дня в семью, начинали выполнять самую разнообразную домашнюю работу, считавшуюся «женской» (стирка, уборка квартиры, приготовление еды, покупка продуктов, воспитание детей и т. п.). Из-за характерного для индустриальных городов региона отставания в развитии социально-бытовой сферы от темпов роста численности населения женщине приходилось значительную часть свободного времени проводить в очередях в магазине, в регистратуре поликлиники, в очереди к парикмахеру и т. п. – времени на отдых женщине оставалось очень мало, гораздо меньше, чем мужчине.

Таким образом, демографические процессы на территории индустриальных городов Европейского Севера во многом определяли гендерные особенности населения этих городов. «Двойное бремя» женщины в индустриальных городах было особенно тяжелым, учитывая отраслевую специфику градообразующих предприятий, специфику градостроительства, преобладавший механизм воспроизводства населения, преимущественно маргинальный состав горожан.

Примечания

1. Сенявский, А. С. Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе [Текст] / А. С. Сенявский. – М., 2003. – С. 108.
2. Илюха О. П. История Костомукши [Текст] / О. П. Илюха, Л. В. Антощенко, М. Ю. Данков. – Петрозаводск, 1997. – С. 130.

3. ЧЦХД (Череповецкий центр хранения документации). – Ф. 435. – Оп. 4. – Д. 531. – Л. 12–22.
4. Там же. Ф. 782. – Оп. 3. – Д. 1220а. – Л. 1.
5. ГАМО в г. Кировске (Государственный архив Мурманской области в г. Кировске). – Ф. 106. – Оп. 3. – Д. 215. – Л. 3–4.
6. Там же. – Л. 4.
7. Там же. Ф. 331. – Оп. 1 Д. 160. – Л. 73.
8. Колокольчикова Р. С. Череповец как феномен индустриального города. Череповец, – 2009. – С. 253–254.
9. Костомукшский муниципальный архив. Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 11а. – Л. 9.
10. ГАМО в г. Кировске. Ф. 106. – Оп. 3. – Д. 215. – Л. 6; ЧЦХД. Ф. 435. – Оп. 4. – Д. 531. – Л. 23; Илюха О. П., Антощенко Л. В., Данков М. Ю. Указ. соч. С. 131.
11. ЧЦХД. Ф. 7. – Оп. 11. – Д. 852. – Л. 56.
12. Колокольчикова Р. С. Указ. соч. Череповец. – 2009. – С. 271; ГАМО в г. Кировске. Ф. 106. – Оп. 3. – Д. 215. – Л. 5.
13. ГАМО в г. Кировске. Ф. 106. – Оп. 2. – Д. 81. – Л. 75.
14. Там же. Ф. 187. – Оп. 1. – Д. 600. – Л. 8.
15. ЧЦХД. Ф. 363. – Оп. 2. Газета «Коммунист». 1971. № 12, 20; 1979. № 242
16. 17. Там же. Ф. 444. – Оп. 1. – Д. 3622. – Л. 2.
17. 18. Там же. Ф. 782. – Оп. 3 Д. 1073. – Л. 8.
18. 19. Там же. Ф. 434. – Оп. 4. – Д. 1007. – Л. 14.
19. 20. Там же. Ф. 782. – Оп. 3. – Д. 1220а. – Л. 1.
20. Илюха О. П., Антощенко А. В., Данков М. Ю. Указ. Соч. С. 130.
21. ГАМО в г. Кировске. Ф. 106. – Оп. 3. – Д. 215. – Л. 6.
22. Там же. Ф. 301. – Оп. 6. – Д. 658. – Л. 43.
23. Архивный отдел г. Корьяжма. Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 205. – Л. 17.
24. ГАМО в г. Кировске. Ф. 87. – Оп. 1. – Д. 71. – Л. 5.